

Сергей

ДЬЯКОВ

*

Двадцать два.

Пора писать роман.

Замутить из прошлого "варёнку",
обналичить сердце, "на карман",
издоить свободы коровёнку.

Тридцать семь.

Пора писать роман.

Смерть кругом, но жизнь встает на стапель.

Птицы к югу, осень рвет стоп-кран.

Тридцать семь, на сахар, горьких капель.

Сорок девять.

Где он там, роман?

Сорок девять, Карл, в душе занозы ...

Вся округа — мова и Коран.

Жгут в буржуйках белые березы,
и стихов, лирический туман
тает, обнажив суглинок прозы...

*

Расчищаем помойку, зажавши носы,
подрубаем ивняк по протоке.
С топором Игорёк — Парамонова сын.
Сам с пилой — Парамон круглокий.

Растянулись цепочкой:

– Давай-подавай!

Заодно весельчак и печальник.

Прогремит по мосту единица-трамвай,
из машины посмотрит начальник.

Круговая сплочённость сидит в мужике
и смекалка — словом нецензурным.
Что твои, человек в дорогом пиджаке,
мозговые атаки и штурмы?

Он "сподверху" надпилит, "споднизу" возьмёт,
сырный клинышек обухом выбьет.

И с другой стороны —

надавить и пойдёт —

и заблещут глаза его рыбы...

...И вот так бы пилить, да махорку курить...
и своё сочинительство бросить.

По-простому смотреть, о простом говорить
и мечтать о ботинках на осень...

*

Сохнут на печке промокшие валенки,
старенький домик по крышу в снегу.

Кажется мне, что я снова стал маленьким,
и ничего изменить не могу.

Детская коечка с тихими вздохами
снова калачиком впустит меня.
Ходики древние жалобно охают
ночью без бабушки и без огня.

Только лампадка в углу над божницею,
только метель в переплетный проём...
В детскую кочку, в сон этот ситцевый
не помещается сердце моё...

*

Савелию

Когда планида с яростью слепой
меня сжимает, словно курью гузку,
я ухожу в решительный запой,
как жесткий диск идет в перезагрузку...
Когда обшарен каждый закуток,
и весь табак искурен самокруткой,
во мне шугой густеет кровоток
и застывает оторопью жуткой.
А то кольнет — хоть за сердце держись.
Падет слеза в похмелье покаянном.
Мол, до сих пор не понял эту жизнь,
не примирился с миром окаянным.
Чугунный мячик скачет в голове,
она пуста который понедельник.
И я звоню — мой Добрый Человек,
мне очень надо хоть немного денег.
Я спирт куплю и крымских сигарет,
пойду один сидеть в полынной ямке,
простивший всех ночной анахорет,
седой подранок, выплывший из пьянки.
Сырые звезды и чертополох,
и сладкий сон у тополя в подножье.
Не знаю как, но мне поможет Бог,
пока душа еще творенье Божье...

*

Работа мне выкручивает руки,
и по ночам немеют пальцы-крюки,
но я иду в счастливом отупенье
от проходной до автоостановки,

я окрыленно рад своей сноровке,
мною был придуман новый вид крепления,
и завтра утром будет не до скуки.

Потом, с привычкой пуска и наладки,
я ворошу потертые тетрадки,
найти пытаюсь первую причину
незавершенного стихотворенья,
расширив образ методом сверленья,
скрутив хандру в матерую кручину,
чтоб от печали сердцу стало сладко.

Так и живут монтажник и художник.
Один спаситель, а другой заложник
неправильной какой-то, в целом, жизни,
когда болезнь становится искусством,
когда души созревшую капусту
насквозь проели творческие слизни,
и не спасает рубль-подорожник...

*

То ли стряпуха сквозь сито остатки сусеков сеет,
то ли мешок из холстины льняной вытрясает мельник,
белые ль пчелы летят в клевера и жужжат в росе их,
ломкими крыльями в жизни земной отразившись мельком.

Снег ли влечется к траве, и трава ли влечется к снегу,
к смерти живое, к живому ли смерть — все одно сожженье.
Ангел становится бесом, и боль переходит в негу,
с неба на землю, с земли в небеса — только полсажени.

Камень все точит вода и все крутит тяжелый жёрнов,
белое платье в кувшинках увязнет, как злое лихо,
и оборвется веревка, не выдержав гордый норов.

«Все перемелется, будет мука», — скажет мельник тихо.
Молвит старуха: «Поешь пирожок, он от силы черной».
Крутится мельничное колесо. Поет соловьяха...

*

Когда разлука накрывает меня с головой,
и ночная тоска затягивает в свою трясицу,
я покупаю спирт на улице Луговой
и пишу письма мертвому сыну.

И дым пороховой завывает в трубе,
и падает на снег тронутая снегирем рябина,
и поет о своей свободе и о своей судьбе
глинобитная окраина-окарина.

Мол, сама породила, захочу — убью,
эта наша семья, голытьба, слободка.
Самый действенный клич — это «наших бьют»,
не заменишь его романтикой или водкой.

Тот, кто видел смерть товарища своего,
не сменяет месть свою, на табак и сахар.
Молодость на войне, ценнее всего.
А еще ненависть и отсутствие страха.

Все мы верим в ребячестве, что не умрем.
Только давит нас время — шершавый глетчер.
На сугробике ягоды, поднадклеваны снегирем.
А что сынок, на небе оно, легче?...

*

Говорила бабушка: «Жизнь — плакун-трава.
За Ивана Силыча вышла в двадцать два.
Завалило милого в шахте стволовой,
и навек осталась я смолоду вдовой».
Принесли ей валенки, выстроились в ряд.
«Это правда?» — всхлипнула. — «Правда», — говорят.
Тормозочек в торбочке, как ложила, цел —
до обеда бахнуло, так и не поел.
Всю войну работала — тарила тротил,
но потом конвейер ей руку закрутил.
В почтальонках бегала, через райсовет.
Год спустя посватался хроменький сосед.

Заходил-обхаживал, помогал с углём.
«Чай не дети малые, веселей вдвоём».
Пятилетку прожили, деток бог не дал.
На работе мужниной по ночам аврал...
Как другие, сладили б, да в селе чужом,
закололи беглые сокола ножом...
Вот и стала бабушка жить да попивать,
квартирантам на зиму комнатку сдавать.
«Подзабыла что-то я, кто у нас теперь?»
Говорит-то правильно, а пойди проверь».
И трясёт бутылочку, смотрит в потолок;
«Что ж такие малыньки делаешь, милоч...»
Квартирант за выпивкой к руднику бежит,
а трамвай-четвёрочка рядом дребезжит.
В небесах шахтовые звёзды-фонари
из забоя вечного светят до зари.
Из забоя вечного, шахты стволовой...
Чтобы жил и здравствовал город вековой...

*

Пятьдесят. А все бирюльки.
За окошком снег стеной.
Ты налей мне из кастрюльки
чай вишнево-травяной.

Память бредит, сердце ноет.
Я ль не пильщик-сучкоруб?
Не лихой Аника-воин?
Не калика-пустозуб?

Прошлой жизни пуповину
Перевяжет снеговой,
чтоб вторую половину
жить толковей и новей.

Слава Богу, снова бедность!
Щи да кашу из печи
кушай с маслицем небесным,
сердце радостью лечи.

Светлой радоницы птица —
свет-снежинка серебрится
искрой росных клеверов.
Ах, голубка-голубица,
дай мне с миром примириться.
Крестокрылая звезда.
Богородицын покров.

*

Мне не впасть бы ни в прелесть, ни в ересь,
пусть ни жалость, ни ярость не ест.
Но, с другими гордынею мерясь,
про нательный свой помнить бы крест.

Ночь затянута кирзовым берцем.
Вышиванку под ватник надев,
кто-то греет холодное сердце
и читает стихи нараспев.

Да и сам я, за камерной «решкой»,
с оперившимся вдруг оперком
на допросе с ответами мешкал,
о побеге мечтая тайком.

Пустобрёха ты ночь, растеряха.
Мало крови, ещё попроси...
Охрани меня, ангел, от страха
и от смелости лютой спаси...

Перемешаны ладан и миро.
Только б слышать сквозь звон бубенцов,
как плывет и возносится: «Мир Вам»
над церквушкой в тринадцать венцов...

*

Вчера весна и помыслы благие,
и страсти захватившие в полон.
Сегодня осень, вечер, литургия,
солома, Саломея, Соломон...

*

Было холодно, ночь по распадку текла,
мы устало брели незнакомой тропой,
и густела в ногах травяная смола,
и твердела зеленой своей скорлупой.

А потом мы подсели к чужому костру,
о Чегеме, рассказывал нам костровой,
врачевал наши души и вел их к добру
от житейского зла и тоски мировой.

И когда он ушел в свой небесный придел,
мы из слов его, строили теплый шатёр,
чтобы новый рассказчик, в нем сердце согрел
и остался поддерживать этот костер.

*

Вот рыбак на запруде. Он удит глубокую рыбу.
И спина его как бы готовится к свежему гробу.
Да и рыба, под тяжестью водной, слаба плавниками,
раздалась и раздулась, в зеркальных чешуйках, боками.

Все, что помнит рыбак — поплавок, да заветная леска,
да крючок-червячок да искринка далекого всплеска.
Жизнь отрезала, озера, тихая, острая бритва,
и с дымком-костерком тишина — это тоже молитва.

А жена его, будет вытряхивать карповый ливер,
будет внук под окошком, тягать двухпудовые гири.
И читать по слогам, будет внучка любимая Лиля,
в свете лампы ночной : «Дурачина старик, простофиля»...

*

Я снова понимаю суть вещей
и обретаю смысл существования.
Так радостно, пьянящее вдыханье
предзимнего,
когда в сухом плаще,
из комнаты прокуренной,
наружу
выходишь
в полнолуние,
не боясь,
случайно наступить в сырую грязь
ночного мира,
вставленного в стужу.

*

солнце гаснет
и к сладкой печали зовет
первый снег застывает
скорлупкой яичной
и вокзальной разлуки
густой креозот
наполняет дыханье
и сердце девичье
кто-то тягой печной
за ночь вытянет душу
разматывает-распустит
как выцветший свитер
и покатится мячик-
клубочек Танюшин
вдоль реки
что течет в океан ледовитый

а бывало подкинешь
и ждать устаешь
а когда упадет
снова к небу взлетает
а бывало снежинку

в ладошке несешь
и снежинка
в горячей ладошке не тает

а сегодня
ты книжку открыла с утра
лепесток незабудки
напомнил о лете
и тряпичная кукла
подружка-сестра
на вопросы твои
не сумела ответить

а сегодня
как выпавший снег холодна
как пустое жилье
после тихого взлома
ты весь вечер глядишь
в перекрестье окна
непомерную силой
к закату влекома

ах Татьяна
скажи
что с тобою случилось
пошатнулось
упало
погасло как свечка

водовозы уже возвращаются с речки
с ними верное слово
и светлая сила

кто-то входит
и мячик роняет в избе
перепачканный сажей
как старая вьюшка

но Татьяна сказала
оставьте себе
это просто пустая
и злая игрушка